УДК 342.8 + 321.01 + 323.21 + 323.22

А. А. Керимов

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ: ПРОБЛЕМЫ ВЫБОРА ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Целью статьи является анализ факторов, влияющих на становление избирательной системы, и выявление наиболее подходящей модели избирательной системы для современной России, способной приводить к созданию воспроизводящихся электоральных правил, установлению системы конкурентной борьбы при формировании органов государственной власти, а также условий для становления и развития сильных политических партий.

К л ю ч е в ы е с л о в а: электоральный процесс, избирательные системы, пропорциональная система, мажоритарная система, смешанная система, политическая власть, партийная система.

Какой тип избирательной системы более приемлем для того или иного государства, решается с учетом его национальных традиций государственного строительства, этнической, межконфессиональной специфики взаимоотношений в обществе, особенностей менталитета и политической культуры граждан, но в то же время «выбор избирательной системы зависит от степени влиятельности договаривающихся акторов, а точнее, от сравнительной силы старых и новых элит» [14, *207–223*].

Большинство европейских стран до середины XIX в. при формировании выборных органов власти пользовались мажоритарной системой, но вследствие развития политических партий эта система постепенно была заменена пропорциональной. И начиная с этого момента пропорциональная система получает широкое применение при формировании не только парламентов, но и органов местного самоуправления. В течение XX столетия пропорциональная система стала господствующей в политической системе практически всех европейских государств. Принципа мажоритарности на современном этапе по традиции придерживаются при формировании палаты общин в Великобритании, а также при выборе членов Национального собрания Франции, а в ряде стран, например,

© Керимов А. А., 2016

в Германии, Греции, Италии и др., с целью использования преимуществ обеих систем на практике применяется смешанная избирательная система.

В России в постсоветский период при формировании законодательных органов в 1993–2003 гг. применялась смешанная система, а в 2007–2011 гг. — пропорциональная. При этом заметно, что смена избирательных систем в современной России совпадает не только со сменой персоналий высшей власти в стране, но и с изменениями проводимого ими политического курса.

Очень часто в избирательной системе видят лишь порядок проведения выборов и распределения мандатов по результатам голосования, но это далеко не так. Вопросы избирательной системы прежде всего вопросы власти. Политические силы, борющиеся за власть, оценивают избирательные системы по той выгоде, которую они будут иметь в конечном результате. Избирательная система определяет электоральную стратегию участников выборной кампании, оказывает огромное влияние на партийное строительство и процессы легитимации политической власти. Правильно выбранная избирательная система в условиях многомерности социетальных расколов в обществе способна предоставить всем политическим силам возможность реализовать свое электоральное призвание. При выборе типа избирательной системы нужно исходить не из сиюминутных соображений, а из того, насколько тот или иной ее тип будет способствовать развитию политических партий, становлению многопартийности, демократизации страны в целом.

Избирательное законодательство является тонким индикатором происходящих в обществе политических процессов, и поэтому электоральные «правила игры» нередко пересматриваются и подвергаются изменениям. Но в развитых странах эти изменения преследуют цели совершенствования электоральных правил, в России же избирательное законодательство пересматривалось неоднократно самым радикальным образом, в результате чего страна каждый раз переходила к новой избирательной системе. Это можно объяснить стремлением к поиску оптимальной модели избирательной системы, но в то же время необходимо отметить, что подобные коренные изменения осуществлялись не по причине структурных социально-политических сдвигов в обществе, а в соответствии с узкокорпоративными интересами политической элиты. Как показывает мировой опыт, частый переход от одной избирательной системы к другой дезориентирует избирателей, в результате чего у электората вырабатывается негативное отношение к выборам и ко всему, что связано с данным процессом.

При выборе избирательной системы решающую роль играет соотношение приоритетов: если во главу угла ставится принцип соблюдения представительности, то выбор делается в пользу пропорциональной системы, а если же речь идет о создании устойчивого правительства, то предпочтение отдается мажоритарной. На наш взгляд, нельзя противопоставлять эти две системы, исходя из принципа представительности или эффективности. Безусловно, обе системы не лишены как достоинств, так и недостатков, но при этом необходимо исходить из того, что мировая электоральная практика не знает идеальных процедур проведения выборных кампаний.

Основываясь на вышесказанном, необходимо проанализировать факторы, влияющие на становление избирательной системы, и выявить наиболее подходящую модель избирательной системы для России, способную сыграть немаловажную роль в процессе легитимации политической власти. Среди многочисленных факторов, которые оказывают определяющее влияние на становление избирательной системы, обычно выделяют следующие: «1) характер взаимоотношений органов публичной власти; 2) территориальное построение государства; 3) особенности партийной системы государства; 4) менталитет граждан» [12, *12–17*].

Пожалуй, главным фактором, влияющим на характер избирательной системы, является специфика взаимоотношений между различными ветвями власти, определяемая Конституцией. Если в государстве практикуется президентская форма республиканизма, то здесь парламент будет иметь несколько приглушенный характер, а если же при создании государственных органов применяется принцип парламентаризма, то в таком случае роль парламента в политической системе общества будет преобладающей.

В условиях президенциализма правительство в меньшей степени зависит от парламента. Его устойчивость определяется прежде всего экономической и политической стабильностью в обществе. Поэтому модель парламентаризма, существующая в президентских республиках, рассматривается в качестве инструмента по обеспечению консенсуса в обществе, и достижению этой цели служит пропорциональная избирательная система, которая способна создать условия для наиболее полного представительства и передать разнообразие общественных взглядов в парламенте.

Сочетание президенциализма с пропорциональной избирательной системой в мировой практике не получило широкого распространения. Такой симбиоз характерен прежде всего для стран Латинской Америки. Как отмечают российские специалисты, в этих странах переход от мажоритарной избирательной системы к пропорциональной состоялся на волне демократизации данных обществ и явился итогом политического компромисса. Пропорциональная система в этих обществах рассматривалась в качестве инструмента по обеспечению справедливого представительства в парламенте и борьбы с авторитарными тенденциями в политической власти [1, *264*]. Однако опыт данных же стран свидетельствует о том, что избирательная система не может выступить гарантом демократического развития, поскольку она в сложной конструкции демократического обустройства хотя и занимает важное место, но тем не менее может стать эффективной только в том случае, если все участники политического процесса в равной степени признают и соблюдают принятые электоральные правила, если в обществе осознают и принимают демократические ценности и т. д.

В политической науке общепринятым является тезис о несовместимости президенциализма с пропорциональной избирательной системой. Об этом в своих работах неоднократно упоминали С. Мейоринг и Х. Линц. Смысл сказанного заключается в том, что сильная президентская власть несовместима с сильными партиями. В случае формирования парламента на основе пропорциональной системы, где избиратель непосредственно голосует за политическую партию, возникает ряд

потенциальных опасностей во взаимоотношениях президента с законодательной властью, которые являются угрозой для демократии [8, *54–55;* 15, *198–228*].

Из истории известно, что успехи в развитии демократии в большинстве западноевропейских государств в немалой степени связаны с переходом к пропорциональному представительству. Безусловно, как отмечал Т. Джефферсон, народ «не компетентен брать на себя обязанности исполнительных органов; но он компетентен назвать человека, который этим будет заниматься. Он не компетентен издавать законы; поэтому он только избирает законодателя» [13, *26*]. Высказывание Т. Джефферсона с точностью раскрывает суть представительной демократии, которая предполагает создание собрания народных избранников и формирование правительства, ответственного перед этим собранием. Для достижения данной цели более приемлемой является пропорциональная избирательная система, которая «исходит из видения нации как политического единства, постоянно формирующегося в конкуренции интересов, программ и идеологий» [4, *95*]. С этой точки зрения важные, общественно значимые проблемы могут быть разрешены лишь в том случае, если они найдут отклик на самом высоком общенациональном уровне. В подобных случаях необходимо формировать представительное собрание на основе конкуренции между различными политическими партиями, представляющими интересы практически всех слоев общества. Реализация на практике идеи самодостаточного представительного собрания будет находиться в полном согласии с принципом разделения властей и способствовать развитию политических партий.

Не в меньшей степени на выбор избирательной системы и ее развитие оказывает влияние такой фактор, как территориальное построение государства. В относительно однородных государствах с сильными традициями федерализма более приемлемым представляется выбор в пользу мажоритарной системы. Территориальный принцип организации общества объединяет людей вокруг локальных проблем и предполагает обязательность присутствия в парламенте представителя каждого округа, поскольку ему в обязанность вменяется защита прежде всего интересов своего округа.

Существует мнение о том, что мажоритарная система способствует поддержанию более тесных контактов депутата со своими избирателями. Допустим, состав Государственной думы формируется строго на основе мажоритарной системы, в результате получим соотношение представительства 1 депутат на 225 тыс. избирателей. Как видим из данного простого расчета, вряд ли при таком соотношении депутат/избиратель можно вести речь об интенсификации связей между электоратом и его представителями. Улучшение системы обратной связи может быть достигнуто и другими, более эффективными способами, например, пересмотром применяемой в настоящее время в России пропорциональной системы, предполагающей наличие единого общенационального округа.

В некоторых государствах подобная система практикуется, но она характерна преимущественно для малых стран, примером чего может служить эффективность функционирования одноокругной системы в Нидерландах и Израиле, располагающих небольшими территориями при высокой степени однородности

населения. Для России же с ее огромными просторами, сложным этноконфессиональным составом и имеющимися глубокими социетальными размежеваниями такая система не представляется пригодной.

Немалое влияние на выбор избирательной системы оказывают особенности партийной системы государства. Существует мнение, что пропорциональная система способствует появлению множества мелких партий и проникновению их в парламент, что в конечном счете приводит к снижению работоспособности парламента. Представляется, что данный тезис не совсем корректен, поскольку опыт некоторых стран свидетельствует о том, что переход от пропорциональной избирательной системы к мажоритарной существенно не влияет на количество партий. Необходимо исходить из того, что количество партий в обществах с устойчивой политической системой определяется в большинстве случаев естественным ходом развития и становления демократических начал в обществе и прежде всего на основе социетальных размежеваний. Кроме того, мировая практика знает другие способы ограничения появления новых партий и их попадания в парламент. Это, во-первых, введение процентного барьера, устанавливающего, какой процент голосов должна получить политическая партия, чтобы быть представленной в парламенте; во-вторых, ужесточение правил регистрации новых политических партий при одновременном расширении возможностей для уже существующих; в-третьих, либерализация правил регистрации новых партий с одновременным ужесточением правил участия в выборных кампаниях и т. д.

Традиционно сторонники мажоритарной системы отмечают, что «эффективным средством для преодоления конфликта между двумя формами представительства — партийным и гражданским — является проведение выборов в законодательные органы только по мажоритарной избирательной системе с обеспечением равного права участия в них объединений граждан, а не только политических партий» [7, *251*] и что «представление о демократии как о конкуренции предполагает главной задачей голосования признание лидерства, а не воспроизведение конфигурации различных интересов и мнений избирателей на уровне выборных собраний. Поэтому предпочтение следует отдать мажоритарной системе, которая вносит элемент эффективности в систему, которая в других отношениях отличается весьма невысокой эффективностью» [6, *174*].

Безусловно, неправильно отрицать тот факт, что в современных условиях любое правительство нуждается в некоторой независимости от партийно-политических программ, поскольку становится все сложнее предвидеть все события, на которые правительствам приходится реагировать. Если в существующих обстоятельствах требуется определенная независимость депутатов от избирателей, то кандидатам в депутаты логичнее предлагать электорату свою способность принимать нужные решения, вместо того чтобы связывать себе руки конкретными обещаниями, а избиратели должны осознавать, что правительству приходится иметь дело с непредсказуемыми обстоятельствами. Тогда, с точки зрения электората, «личное доверие, которое внушает кандидат, — более подходящее основание для выбора, чем оценка планов будущих действий. Доверие, столь важное для истоков представительного правления, снова занимает центральное место» [10, *274*].

Избиратель должен предоставить депутату, правительству определенную свободу в отношении выбора инструментов и способов выполнения программ. Но при этом относительная независимость власти от избирателей вовсе не означает ее полнейшую безответственность. Современный избиратель сохраняет за собой решающую власть, которой он наделен при представительном правлении, а именно власть смещать представителей, чью деятельность он находит неудовлетворительной.

Избиратели не образуют однородную массу, которую можно как угодно поделить в соответствии с политическими предпочтениями. Они объединяются в различные партии, движения в соответствии с теми социетальными расколами, которые имеются в обществе. Но при этом очевидно, что ни один социально-экономический или культурный раскол не является более важным и устойчивым, чем любые другие.

С. Липсет и С. Роккан, разъясняя суть теории социетальных расколов (размежеваний), отмечают, что партийные системы Западной Европы были структурированы вокруг четырех социетальных конфликтов: «центр — периферия, государство — церковь, город — село и собственники — наемные работники» [9, *210*]. Сами конфликты явились порождением модернизационных процессов в странах Западной Европы. Первые два конфликта возникли в ходе создания национальных государств, а другие два — в ходе индустриальных революций. Дальнейшее развитие западноевропейских обществ привело к институционализации этих расколов, которые впоследствии предопределили структуру партийной системы. По мнению этих же специалистов, постепенная стабилизация структуры социетальных размежеваний сыграла важную роль в упорядочении политических предпочтений электората и стабилизации электорального поведения в странах Западной Европы в послевоенный период [9, *210*]. Таким образом, можно констатировать, что количество партий в политической системе общества напрямую зависит, с одной стороны, от количества социетальных размежеваний, характерных для данного общества, с другой, от установленных электоральных правил, позволяющих участникам политического процесса в разной степени политизировать отдельные социетальные размежевания.

Применительно к российской политической действительности, кроме классических линий размежеваний, можно выделить и следующие, например, традиционный для российского общества раскол «труд — капитал», «либерализм — этатизм», «традиционализм — модернизация», ценностные расколы по линии «интернационализм — ксенофобия», «толерантность — нетерпимость» и т. д. Этот ряд можно продолжить, но считаем, что вышеперечисленные линии раскола вкупе с классическими на российской почве приобретают особую важность и определяют партийную структуру.

Часто меняющиеся электоральные правила негативно влияют на процесс укоренения в сознании избирателей идеи партийного строительства. Каждый электоральный цикл в России характеризуется появлением немалого количества новых партий, которые, в силу своей слабости, не могут выступить в качестве полноценных коммуникационных каналов, формирующих отношение граждан

к политической системе, политической конкуренции. Наоборот, происходит обратный процесс, особенно в переходных обществах, где граждане только приобщаются к демократическим ценностям. Здесь появление новых партий вызывает подвижность электоральных предпочтений и порождает нестабильность.

Данная нестабильность выражается в том, что на выборах новые партии в силу своей новизны обычно пользуются немалой популярностью и в большинстве случаев им сопутствует удача. Таким образом, своим успехом они вносят сумятицу в электоральную борьбу, дезориентируют избирателей, предопределяют природу политических процессов, и в конечном результате их успех оказывает негативное влияние на процесс партийного строительства, значительно понижает качество представительства избранного органа и предсказуемость политики, которые так необходимы для устойчивого политического развития общества.

Причинами электоральной подвижности обычно являются организационно-структурная слабость партий, слабые связи с избирателями, преобладание партий персоналистского типа, низкий уровень политической и электоральной ответственности партий и т. д. На российской почве эти факторы еще более усиливаются на фоне частых изменений избирательного законодательства и стремления властей брать под свой полный контроль электоральный процесс. Так, на парламентских выборах 1995 г. из 15 допущенных к участию партий и объединений 8 (53 %) были новыми образованиями, в 1999 г. — 19 из 27 (70 %), в 2003 г. — 17 из 23 (74 %), в 2007 г. — 3 из 11 (27,3 %), в 2011 г. — 2 из 7 (28,6 %) [11].

Российская практика проявления неустойчивости электоральных предпочтений свидетельствует о незавершенности процесса социально-политического структурирования общества, слабости партийной системы, отсутствии авторитета партий, разочаровании граждан в деятельности уже знакомых им партий. Как показывают цифры, с 2007 г. уменьшается число новых партий, начинается процесс их укрупнения и ужесточения правил регистрации новых партий и допущения их к выборам. Таким образом, необходимо отметить, что электоральная подвижность, выражающаяся в регулярном обновлении от выборов к выборам когорты партий-участниц в избирательных кампаниях, не способствует институционализации партийной системы. Электоральное поведение носит достаточно рациональный характер. В частности, это выражается в стремлении граждан не отдавать свой голос за заведомо непроходные партии на парламентских выборах. Таким образом, происходит упорядочивание партийной системы. Поэтому «эволюционное изменение партийной и электоральной систем, в рамках которого сохраняется преемственность и партий, и базовых избирательных процедур от одного электорального цикла к другому, способствует укреплению партийной системы в целом и электоральных практик в частности» [3, *110*].

В немалой степени выбор избирательной системы зависит от менталитета народа и степени осознания им важности электорального участия. В большинстве стран мира, как и в России, голосование на выборах — это право, но не обязанность граждан. Эта норма зафиксирована в п. 2 ст. 32 Конституции РФ. Однако, как показывает опыт прошлых электоральных циклов, существующая ситуация слабо мотивирует население участвовать в выборах.

Периодически в России озвучивается идея введения института обязательного голосования [2]. Необходимо отметить, что практика принуждения к голосованию уже действует более чем в 20 странах, в том числе и демократических. Например, эта норма работает в Австралии, Австрии, Бельгии, Германии, Греции, Люксембурге, Швейцарии, где голосование является обязанностью граждан. В некоторых странах за неявку предусмотрены штрафные санкции, даже аресты. Так, например, в Австрии за отказ от участия в муниципальных выборах налагается штраф в размере 400 евро, в остальных выборах — в размере 700 евро. В других государствах размер налагаемых санкций ниже: в Австралии 11 евро, в Бельгии 25–50 евро. В Греции за отказ от голосования предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от одного месяца до одного года [5].

Накопленный мировой опыт позволяет выявить как позитивные, так и негативные стороны практики обязательного голосования. С позитивной стороны отметим, во-первых, что внедрение принципа обязательности участия в выборах снижает вероятность использования бюллетеня непроголосовавшего гражданина в интересах определенного кандидата; во-вторых, повышение явки избирателей на выборах содействует увеличению представительства избираемых в выборных органах; в-третьих, принцип обязательности голосования на выборах повышает доверие населения к институту демократических выборов; в-четвертых, обязательное голосование содействует формированию гражданственности; в-пятых, обязательное голосование способствует достижению согласия в обществе. Негативными моментами являются следующие: во-первых, участие в выборах не гражданская обязанность, но, скорее, право гражданина; во-вторых, обязательное голосование нарушает еще одну группу прав — свободы совести; в-третьих, отказ от участия в голосовании — последний довод гражданина, столкнувшегося с произволом, для отстаивания собственной позиции; в-четвертых, отсутствие в бюллетене графы «Против всех» стимулирует к отказу от участия в выборах.

Таким образом, мы считаем, что принуждение к голосованию является нарушением базовых свобод. Иногда неявка на выборы — это сознательный политический шаг, демонстрация того, что никто из кандидатов не представляет интересы избирателя. Полагаем, базовая свобода в демократическом обществе — свобода слова — предполагает и право на молчание.

Итак, выявив основные факторы, влияющие на выбор избирательной системы, мы должны определиться, какая же система — пропорциональная, мажоритарная или смешанная — является оптимальной для современной России.

Российское общество сегодня не готово к применению ни пропорциональной системы, ни мажоритарной по отдельности. В условиях незавершенности процесса социально-политического структурирования общества и слабого развития партийной системы применение пропорциональной системы способно привести к чрезмерной концентрации государственной власти в руках представителей только одной политической партии, созданию в парламенте однородного конституционного большинства, с чем российское общество уже сталкивалось. Принадлежность парламентского большинства только одной политической партии и ее монопольное положение в формировании остальных ветвей власти

(исполнительной и судебной) является не самой удачной формулой государственного управления. Такое положение дел не способствует достижению национального согласия в обществе, максимальной сбалансированности всех ветвей власти, их функционированию в строгом соответствии с требованиями Конституции.

Конституционное большинство в законодательном органе одной только партии прямо или косвенно приводит к нарушению системы «сдержек и противовесов» властей, частому, не всегда взвешенному и оправданному изменению законодательства в угоду правящему большинству, а то и по «заказу» лоббирующих групп, приближенных к власти. Диктат одной партии в обществе со слабыми демократическими традициями приводит к фактическому отстранению от управления государственными делами других партий и политических движений, к ограничению реальных возможностей народа влиять на процесс государственного управления.

Формирование же парламента на основе только мажоритарной системы может привести к атомизации депутатского сообщества, которое легко превратится в данном случае для власти в более управляемую массу, где проще будет договариваться с каждым депутатом по отдельности, нежели с организованной группой в рамках политической партии. Аморфная структура парламента создаст немало предпосылок для манипулирования поведением депутатов в ходе парламентской деятельности. Кроме того, формирование законодательного органа на основе мажоритарной системы не будет способствовать политическому самоопределению общества и политическому структурированию парламента в целом.

Представляется, что применение смешанной системы при формировании законодательного органа на данном этапе развития российского общества было бы наиболее верным. Такой подход к формированию парламента, на наш взгляд, в наибольшей степени способствовал бы реализации конституционных прав граждан избирать и быть избранными, реальному участию в управлении государственными делами более широких слоев населения, политических партий и движений, сбалансированности ветвей власти. Кроме того, смешанная избирательная система расширяет права избирателя, предоставляя ему два голоса. Голосуя за партийный список в рамках пропорциональной части, избиратель отдает предпочтение той партии, которая, на его взгляд, в наибольшей степени отражает его интересы, а выбирая одного из кандидатов по мажоритарным спискам, избиратель выбирает того, кто, по его мнению, заслуживает доверия.

Таким образом, полагаем, что внедрение смешанной системы в равной степени будет способствовать развитию партийной системы, налаживанию связей депутата со своими избирателями.

Результаты анализа мировой практики формирования законодательных органов и в особенности анализ функционирования всех ветвей власти в России за последние годы только подтверждают право на существование смешанного варианта формирования Государственной думы. Однако смешанная система формирования законодательного органа может быть жизнеспособной только при условии законодательного закрепления и строгого соблюдения следующих

положений: недопустимость вхождения депутата, избранного по одномандатному округу, в состав какой-либо партийной парламентской фракции (при этом депутаты-одномандатники могут иметь право на создание своей фракции одномандатников); введение процедуры обязательной периодической отчетности депутатов-одномандатников перед избирателями соответствующего избирательного округа; введение порядка опубликования в средствах массовой информации результатов поименного голосования депутатов по наиболее значимым проектам законов; введение порядка отзыва депутата, который, по мнению его избирателей, не отражает точку зрения основной части избирателей в парламенте, и проведение досрочных выборов по данному округу.

Такой подход к формированию законодательного органа и его функционированию позволил бы поднять уровень ответственности депутатов за результаты своей деятельности, улучшить качество законотворческого процесса, в значительной мере препятствовал бы появлению скороспелых законов низкого качества и содействовал легитимизации политической власти.

---

1. *Анохина Н. В., Мелешкина Е. Ю.* Смешанная и пропорциональная избирательные системы в условиях российского президенциализма // Электоральное пространство современной России. Политическая наука: Ежегодник 2008. М., 2009.

2. *Вешняков А. А.* Обязательное голосование не противоречит нормам демократии [Электронный ресурс]. URL: http://news.novgorod.ru/news/2772 (дата обращения: 12.02.2016).

3. *Володина С. В.* Параметры избирательной системы как объект реформирования: технологии влияния // Полис. 2014. № 5.

4. *Голосов Г. В.* Демократия в России: инструкция по сборке. СПб., 2012.

5. *Гусев А.* Власти Люксембурга штрафуют граждан за отказ идти на выборы [Электронный ресурс]. URL: http://gysev.viperson.ru/wind.php?ID=667063 (дата обращения: 12.02.2016).

6. *Дзоло Д.* Демократия и сложность: реалистический подход. М., 2010.

7. *Карапетян Л. М.* Политические партии в судьбе России. СПб., 2009.

8. *Линц Х.* Опасности президентства // Полис. 2001. № 5.

9. *Липсет С., Роккан С.* Структуры размежеваний, партийные системы предпочтения избирателей: Предварительные замечания // Политическая наука. 2004. № 4. С. 210.

10. *Манен Б.* Принципы представительного правления. СПб., 2008.

11. Материалы Центральной избирательной комиссии РФ [Электронный ресурс]. URL: http://cikrf.ru/ (дата обращения: 12.02.2016).

12. *Старостина И. А.* Анализ факторов, влияющих на характеристики избирательной системы // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 31 (169) : Право. Вып. 21.

13. *Липман У.* Публичная философия. М., 2004.

14. *Lijphart A.* Democratization and Constitutional Choices in Czecho-Slovakia, Hungary and Poland 1989-91 // Journal of Theoretical Politics. 1992. Vol. 4, № 2.

15. *Mainwaring S.* Presidentialism, Multipartism and Democracy: The Difficult Combinations // Comparative Political Studies. 1993. Vol. 26, № 2.

Рукопись поступила в редакцию 29 февраля 2016 г.